

Литература

1. Кузьмин А.В. Метафизика Я: самоидентичность, самознание, духовность: автореф. канд. дис. ... канд. филос. наук. - Улан-Удэ, 1998. С.4.
2. Уоттс А. Психотерапия. Восток и Запад. - Львов, 1997. - С.11.
3. Фрейд З. Психология бессознательного. - М., 1990. - С.425.
4. Тартанг Тулку Ринпоче. Донести учение живым. - М., 1990. - С.8.
5. Уэлвуд Дж. Психотерапия и духовные традиции // Психотерапия и духовные практики. - 1998. - С. 85
6. Каструбин Э.М. Самогипноз и медитация. - М., 1999. С.168.
7. Тругун Ч. Медитация в действии. - М., 1990. - С.150.
8. Налимов В.В. Спонтанность сознания. - М., 1989. С.208.
9. Человек. Энциклопедический словарь. - М., 1999. С.324.
10. Роси Дзесю Сасаки. Где находится «Я»? // Психотерапия и духовные практики. - 1998. - С.123.
11. Кузьмин А.В. Метафизика Я: самоидентичность, самопознание, духовность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Улан-Удэ, 1998. - С.12.
12. Дандарон Б.Д. Буддизм: сб. ст. - СПб., 1996. - С.26.
13. Маркузе Г. Одномерный человек. - М., 1992. - С.15.
14. Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. Экологическая этика: буддизм и современность. - Улан-Удэ, 1997. - С.9.
15. Моаканин Р. Психология Юнга и тибетский буддизм. - Томск, 1993. - С.21.
16. Шульга А.П. Вера и здоровье. - СПб., 1996. - С.30.
17. Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. Экологическая этика: буддизм и современность. - Улан-Удэ, 1997. - С.112.
18. Мантатов В.В. Стратегия разума: экологическая этика и устойчивое развитие. - Улан-Удэ. Т. 2. - С.47.
19. Моисеев Н.Н. Экология и образование. - М., 1996. С.170.

Дарибазарон Энхэ Чимитдоржиевич, кандидат философских наук, докторант кафедры философии Бурятского государственного университета, Улан-Удэ

Daribazaron Enkhe Chimitdorzhievich, cand. of philosophy sci., doctorant of department of philosophy of Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 14

А.А. Дыдров

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОТНОШЕНИЯ К МОДУСУ БУДУЩЕГО

Будущее представляет собой, безусловно, всегда актуальный для человека и человечества модус времени. Отношение к этому модусу может проявляться самым различным образом и в самых различных формах. Статья посвящена вопросу отношения утопических проектов и антиутопических моделей как специфических мыслительных конструкций к будущему времени. Автор заостряет особое внимание на различии в отношении утопических и антиутопических конструктов к грядущему времени.

Ключевые слова: утопия, утопизм, антиутопия, проект, модель, прошлое, настоящее, будущее, модус.

A. A. Dydrov

UTOPIA AND DYSUTOPIA AS SPECIFIC FORMS OF RELATIONSHIP TO THE MODE OF THE FUTURE

The future is always relevant to humans and humanity modus of time. Ratio for this mode can manifest itself in various ways and in many different forms. The article is devoted to the attitude of utopian projects and antiutopian models as specific cognitive structures, to the future time. The author focuses his attention on differences with regard to the utopian and antiutopian constructs for the future.

Key words: utopia, utopism, dystopia, project, model, past, present, future, modus

Человека практически всегда интересовало, что будет происходить с ним и обществом, в рамках которого он будет находиться в будущем. Будущее в этом контексте становится одной из основных ценностей, а потому велико стремление человека повлиять или хотя бы предугадать наличие каких-либо явлений и процессов в грядущем. Согласно общераспространенному мнению, будущее – один из модусов времени, выступающий звеном цепи, наряду с прошлым и настоящим.

В этом контексте будущее имеет свою специфику. Если о прошлом и настоящем имеется сумма информации, которую можно назвать существующей независимо от исследующего ее субъекта, данной субъекту изначально, несмотря на возникающее последующее влияние субъекта при операциях обработки данных, то о будущем информация, опирающаяся на данные источников, отсутствует. Вся разница в том, что модус настоящего является,

согласно утверждению В.И. Плотникова, бытийственно оформленным, прошлое по существу дается только в образах, создаваемых человеческим мышлением на основании исторических источников и в самих исторических источниках, признающихся как истинными, так и ложными, тогда как будущее таковым не является. Тезис исследователя – «будущего еще нет» [7] – поэтому вполне правомерен, будущее не является и не может являться бытийственным, когда оно таковым становится, оно перетекает в модус настоящего, а следовательно, может быть только мыслимо, что несколько сближает его с прошлым, данным в источниках как средствах трансляции и тем более настоящего.

Мыслимое будущее, по сути, есть сумма разрозненных или собранных в систему образов грядущих или только предполагаемых явлений. Система образов может исходить как от человечества в целом, отдельного общества, так и группы, и, нако-

нец, индивида. Именно потому, что будущее в принципе не может явиться нам в достоверной информационно-полноте, человеку приходится рассчитывать на вероятностные характеристики при определении будущего, следовательно, заниматься предсказаниями и предугадыванием (пассивная мыслительная форма) и проективной деятельностью (активная форма, заключающаяся в постановке цели и определении задач по ее реализации, для создания какого-либо продукта). Понятие «продукт» здесь предстает в широком значении, поэтому в данном случае необходимо понимать под ним изменение сущего в целом и частном, направленность изменения на социальные процессы, человека в биологическом и душевно-духовном плане. Будущее начинает мыслиться как действительность, ему придается онтологическая характеристика.

Так или иначе оформление будущего в виде системы образов, основанных на предположениях, сопровождается ценностным отношением как собственно к будущему времени, так и к другим модусам времени и особенно к настоящему.

Согласно утверждению И.Т. Фролова, будущее человека уже объективно содержится в его настоящем, как в материальном, так и в духовном отношении (однако стоит оговориться, что большую роль играют и случайные, неконтролируемые, непредугадываемые процессы и явления, потому в характеристику будущего вкрадывается и фактор случайности). Модус грядущего предстает результатом творческой, практической деятельности людей, которые могут созидать будущее, лишь используя так или иначе то, чем они реально располагают в настоящем. Свобода, которой обладает человечество в отношении своего будущего, похожа на свободу творческой мысли архитектора: создавая проект своего здания, он должен считаться и с материалом, которым располагает, и со средствами, которые имеет в своем распоряжении, и с местностью, где здание воздвигается. А то, каким предстанет это здание в глазах его современников и потомков, в огромной, если не решающей мере, зависит от интеллектуального потенциала архитектора [8].

Формы мысли и получаемые в итоге модели, именуемые «утопия» и «антиутопия», прямо или косвенно призваны влиять на будущее, так как утопия часто помещается создателем в модус будущего, а модель антиутопии относительно времени жизни создателя практически всегда располагается в модусе будущего.

Работу утописта не стоит смешивать с деятельностью предсказателей, так как это деятельность совершенно другого рода. По утверждению исследователя феномена утопического сознания Ч.С. Кирвеля, утопия, независимо от того, «переносит» ли утопист свой идеал социальной организации в иное пространство или проектирует его в иное время – прошлое или будущее, объективно сориентирована на опережающее отражение и содержит в

себе момент предвосхищения будущего. Она всегда стремится выйти за пределы современной ей действительности, проектирует в иное пространство или время образы социального мира, мнимо или действительно основанного на других принципах, чем оцениваемое общество [4].

По мнению В.Е. Быданова, утопия – своеобразная форма «разговора о будущем». Если утопии и оказывают влияние на ход исторических событий, то не вследствие реализма своих предсказаний (поскольку ни одна утопия не была полностью реализована в истории, а многие не были реализованы ни в одном из предсказаний); функция утопии иная, а именно – развитие социального воображения и энергии масс [1].

Утопия как теоретический проект в сущности есть некий синтез субъективных идей, основанных не на предугадывании будущего, а на желании такового. Данную мысль можно выразить цитатой из произведения «Открытое общество и его враги» К. Поппера: «Будущее зависит от нас, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость» [6]. Утопист, следовательно, не проецирует на будущее никаких тенденций, наличествующих в обществе, а разрывает связь с ними, часто откровенно противопоставляя свои взгляды позициям людей настоящего и в отдельных случаях прошлого времени.

По мнению Е.Л. Чертковой, «традиция», «историческая память» – чуждые утопии понятия. Негативизм в отношении к прошлому объясняется тем, что состояние настоящего – заслуга прошлого, а потому оно, как и настоящее, равно мешает достижению утопического идеала. Утопия как реактивный снаряд, замечает автор, тем стремительнее прорывается в будущее, чем с большей силой отбрасывает прошлое [9]. Стоит сделать существенную оговорку в связи с данным тезисом. Автор утопии, естественно, далеко не всегда имеет такую черту сознания, как утопизм; утопия может черпать идеал и в прошлом, «вспоминая» времена «всеобщего счастья», помещенные в первом модусе. В этом случае может идеализироваться историческая эпоха, организация жизни какого-либо социума в прошлом. Это не означает, безусловно, использование материала исторических источников, так как в такой утопии присутствует, а порой доминирует элемент вымысла. Тем не менее автор такой утопии не может охарактеризовать историческое время, к которому обращается, негативным, способствующим деградации и подлежащим стиранию из памяти человечества, так как использует временные рамки какого-либо этапа прошлого и элементы содержания.

Утопия может поместить идеал и в настоящее относительно времени жизни создателя проекта. Именно в данный модус, например, «поместил» утопию Томас Мор. Следовательно, временное расположение изображенного социума для утопии не является строго принципиальным. Тем не менее прямо или косвенно утопия в большинстве случаев

является критикой только одного модуса – настоящего, реже прошлого, но никогда будущего, так как последний модус является полем ожиданий и реализации возможностей, которые видит утопист. То, что критике в значительной степени подвергается настоящее, связано с наибольшей актуальностью наличной действительности. Даже если формально автор помещает «золотой век» в прошлое, то не с целью забыть его, а с целью воспроизвести все его содержание (или наиболее значимые аспекты из всего содержания) в следующих за прошлым модусах.

Расположение социума в каком-либо отрезке времени, таким образом, не является важнейшей характеристикой, модус времени актуализируется в целеполагании автора. В связи с этим прошлое, настоящее и будущее приобретают различную ценность, которая определяется во многом субъективно – все человечество никогда не сможет однозначно сказать, обладало ли высокой ценностью прошлое, даже если мы сконцентрируем внимание в рамках его содержания на отдельных аспектах.

Такова в целом ситуация и с будущим, за исключением одного важного момента: реализация или нереализация определенных ценностей в нем еще предстоит. Следовательно, ожидания объективной оценки будущего и общечеловеческого согласия по проблеме реализации в нем необходимого спектра ценностей столь же бессмысленны. Утопия рождается как альтернативный действительности проект, в котором модус будущего наделяется ценностью только тогда, когда проект будет реализован. Если будущее станет продолжением настоящего в качественном аспекте и характер общественных отношений в целом не изменится, оно теряет для утописта актуальность. Кроме того, утопия активно выполняет функцию критики различных аспектов действительности, поэтому прямо или косвенно требует начать изменения с модуса настоящего.

Принципиально иное отношение к модусам времени предполагает антиутопия. Антиутопия, как правило, предлагает читателю конструкт, принципиально ориентированный на системы ценностей прошлого или настоящего. Антиутопия, согласно взгляду создателя-автора (в идеале – и потребителя тоже), не представляет собой определение будущего как ценности только в одном случае – когда будет реализована представленная модель. В случае отсутствия реализации модели будущее обретает ценность аналогично двум другим модусам.

Тем самым антиутопия пытается оказать или реально оказывает косвенное влияние на будущее, моделируя нежелательные варианты развития социума и человека, утопия же видит будущее ужасным в случае нереализованности проекта. В этом смысле утопия имеет важное отличие от антиутопии – активное или пассивное желание создателя реализовать изображенный конструкт, чего не может быть в рамках антиутопии. Напротив, антиуто-

пия не может быть проектом и представляет собой модель, часто упрощенную до совокупности наиболее важных для автора параметров характеристики возможного будущего (будущее изображается обычно на примере одного социума, на примере функционирования которого автором раскрываются наиболее важные общественные отношения и характеристики человека (моральный облик рядового функционера, спектр его функций и т.д.). Для того, чтобы показать ценность прошлого и настоящего в случае реализации модели антиутопии и, как следствие, потери для автора ценности будущего, последний вводит в повествование «антигероя» (таковым он является с точки зрения окружающего его социума, отдельных его легитимных представителей). Именно он призван транслировать читателю абсурдность установленных в рамках антиутопической модели отношений или несогласие с его устройством абсолютно во всем. Именно персонаж, условно названный нами «антигероем», своими действиями и мыслями подталкивает читателя к негативной оценке антиутопической модели, затрагивая часто не всю гамму общественных отношений (политических, экономических, культурных), а, заостря внимание на наиболее важном для него, демонстрируя свою индивидуальность, которую, по замыслу многих антиутопистов, потеряли люди будущего. Герой романа Е. Замятина влюбляется и узнает, что у него «образовалась душа» [3], Уинстон Смит из «1984» начинает критически мыслить и тайно встречается с возлюбленной, дойдя до ненависти к главе государства, [5] а доктор Пол Протеус из произведения «Механическое пианино» скучает о «лучшем мире», том, когда американцы еще не были подвержены убивающей их жизнь механизации [2].

Примеров подобных действий антигероев масса, практически всегда их поведенческие установки отражают систему ценностей, разделяемую авторами. Введением антигероя автор лишний раз подчеркивает значимость грядущего времени, потому и высказывает опасения косвенно, часто в гротескной форме. Особенно такое изображение характерно для так называемых «тоталитарных» антиутопий. Стоит оговориться, что одним из основных критериев отличия утопии и антиутопии выступает фактор желания реализации созданной автором модели. Во многом поэтому антиутопия и не становится проектом, а остается моделью. Направленность на ценностный мир читателя как в утопии, так и в антиутопии, безусловно, есть основная черта указанных произведений, но ее результаты все же остаются непредсказуемыми. Практически невозможно определить реакцию читателя на предлагаемую модель или проект, а потому то, что автор задумывал как антиутопию, читатель может принять и за утопию. Если «тоталитарные» произведения все-таки воспринимаются людьми как «антиутопии», то с потребительскими ситуация обстоит сложнее, сложность эта выражена большей «при-

влекательностью» условий жизни изображенных в них социумов.

Таким образом, утопия и антиутопия выступают как специфические формы отношения к различным модусам времени, заостряя особое внимание на будущем, однако подходят к формированию его оценки различно. Для создателя утопии высокая положительная оценка будущего наступает тогда, когда предлагаемый проект будет находиться в процессе реализации или уже реализуется полностью, для автора антиутопии будущее и его содержание получают высокую оценку в случае выбора пути, не приводящего к содержанию изображенной автором модели, более того, будущее не должно быть источником социальных и личностных страхов в целом, поэтому изображенная автором модель – лишь частный пример нежелательного развития.

Оценкой будущего руководит, таким образом, автор и призван руководить читатель, однако авторское отношение к будущему на основе созданного проекта или модели будет являться определяющим, тогда как читателю лишь предлагается разделить комплекс ценностей, реализованный автором в произведении.

Литература

1. Быданов В.Е. Сциентистский утопизм в России и историцизм позитивистской эсхатологической идеологии // Философский век: альманах. Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма / отв.

ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербург. центр истории идей, 2000. – С. 30.

2. Воннегут К. Механическое пианино // О, дивный новый мир: сб. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С.850.

3. Замятин Е. Мы. Избранное. – М.: Правда, 1989. – С.365.

4. Кирвель, Ч.С. Парадоксы утопического сознания // Философский век: альманах. Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербург. центр истории идей, 2000. – С. 87.

5. Оруэлл Д. 1984. Скотный двор. – М.: АСТ МОСКВА, 2007. – С. 24.

6. Поппер К. Открытое общество и его враги / под ред. В.Н. Садовского. – М., 1992. – С. 31.

7. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. – М.: Академический проект, 2004. – С. 94-95.

8. Фролов И.Т. Введение в философию: учеб. пособие для вузов [Электронный ресурс] / И.Т. Фролов // Библиотека «Полка букиниста». – URL: http://society.polbu.ru/frolov_intphilosophy/ch113_i.html;

9. Черткова Е. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. – 1993. – №3. – С. 74.

Дыдров Артур Александрович, аспирант кафедры философии Челябинской государственной академии культуры и искусств по специальности 09.00.13 – Религиоведение, Философская антропология, Философия культуры.

Dydov Artur Alexandrovich, post-graduate of philosophy department, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.

Тел: 8(950)-739-13-61, E-mail: diskoboll85@mail.ru

УДК 17. 023

Н.А. Жданова

ГЕНЕЗИС ДИСЦИПЛИНЫ КАК ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ЯВЛЕНИЯ

В статье рассматривается новая версия происхождения дисциплины как подчинения порядку, обязательного для всех членов того или иного общественного коллектива. Анализируя взгляды философов разных эпох, автор стремится выявить духовно-этические источники дисциплины.

Ключевые слова: дисциплина, порядок, происхождение, источник, духовный, генетический, религиозный, античный, талион, инстинкт, правосознание.

N.A. Zhdanova

GENESIS OF DISCIPLINE AS ETHIC-PHILOSOPHICAL PHENOMENON

The article is devoted to a new version of the discipline origin as subjecting to the order binding for all members of any community. This order is established by standards and rules of the community. Having examined antique people's morals, manners and also positions which belong to some philosophers of different historical ages the author aimed to reveal spiritual-ethic sources of the discipline.

Key words: discipline, order, origin, source, spiritual, genetic, religious, ancient Greek, talion, instinct, sense of justice.

Стремление к упорядоченности в сложнейшей сфере человеческих отношений воплощается в дисциплине. Основное назначение дисциплины – задавать нормы в отношении порядка, и если рассматривать дисциплину как явление, пронизывающее моральную сферу, то мораль имеет данные нормы именно благодаря тому, что в ее структуре присутствует (на что справедливо указывал Р.Г. Апресян [1]) дисциплинарный компонент, который можно все-таки искусственным образом отделить от собственно этического. Этический компонент

определяет поступки человека, совершенные под воздействием преимущественно психического, эмоционального состояния (настроения, обиды, душевной боли, радости, ощущений счастья, горя, исходя из внезапных, спонтанных собственных ощущений-представлений о гордости, чести, достоинстве и т.п.). Дисциплинарный же определяет действия, которые прошли уже проверку разумом, рассудком, осмыслены человеком (людьми) и потому способны войти в стадию повеления-исполнения. Необходимостью «усмирять» «много-